

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-1.33>

Почуева Наталья Николаевна

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

В данной статье предпринята попытка описать когнитивный подход к пониманию метафоры, определить ее роль в процессе развития значений фразеологизмов. В работе представлены взгляды на метафору известных ученых, каждый из которых по-своему интерпретирует этот сложный языковой феномен. Основное внимание уделено исследованию устойчивых фразеологических выражений из области музыки и их употреблению в литературных произведениях. Автор анализирует фразеологические единицы, описывая возникновение их значений, а также образы, с которыми они ассоциируются.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/9-1/33.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 9(87). Ч. 1. С. 149-153. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

References

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 2003. 338 с.
2. Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка. A Course in Theoretical English Grammar. М.: Высшая школа, 2004. 381 с.
3. Дилтс Р., Делозье Дж. НЛП-2: поколение Next. СПб.: Питер, 2012. 320 с.
4. Ившин В. Д. Синтаксис речи современного английского языка. Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. 317 с.
5. Иофик Л. Л. Сложное предложение в новоанглийском языке. Л.: Изд. Ленин. ун-та, 1968. 214 с.
6. Катц Дж. Семантическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1981. Вып. 10. Лингвистическая семантика. С. 33-49.
7. Нефедова Л. А. Когнитивно-типологический аспект имплицативной коммуникации: автореф. дисс. ... д. филол. н. Екатеринбург, 2001. 41 с.
8. Петрова Е. А. Логико-когнитивная интерпретация субстантивно-номинативных пропозем в диктемой дискурсивации: автореф. дисс. ... д. филол. н. Уфа, 2012. 55 с.
9. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова (этюды и вариации на темы Гумбольдта). М.: Едиториал УРСС, 2003. 216 с.
10. Christie A. Selected Stories. М.: Progress, 1976. 333 p.
11. Fitzgerald F. S. The Great Gatsby. Gr. Br.: Harmondsworth (Midd'x), 1981. 187 p.
12. Howard E. J. Odd Girl Out. Gr. Br.: Penguin Books, 1972. 270 p.
13. King S. The Talisman. Gr. Br.: Penguin Books, 1985. 494 p.
14. Rush A. Adam's Paradise. L.: Basingstoke, 1989. 187 p.
15. Strong T. Dragonplague. Gr. Br.: Hodder and Stoughton, 1988. 442 p.
16. Theroux P. The Old Patagonian Express. N. Y.: Pocket Books, 1980. 478 p.

ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПРОПОЗЕМ-БАЛАНСОВ

Петрова Елена Александровна, д. филол. н., доцент
Уфимский юридический институт МВД России
eleina.frolloff@yandex.ru

В настоящей статье мы поставили перед собой цель проанализировать структурно-прагматические и логико-когнитивные модели пропозем-балансов, обладающих широким диапазоном функциональных особенностей. В статье впервые исследуются структура, семантика, логико-когнитивный потенциал данных лингвистических единиц на основе полипарадигмального подхода. Коммуникативные особенности пропозем-балансов анализируются на основе категориальной совокупности предикативных значений. Успешному решению задач в заданном исследовательском поле способствовало взаимодействие таких гуманитарных наук, как логика, философия языка, когнитивная лингвистика, научные и практические результаты которых помогли в достижении намеченной цели.

Ключевые слова и фразы: пропоземы-балансы; клаузема; предикативная нагрузка; модус; логико-когнитивные модели.

УДК 8; 81

Дата поступления рукописи: 25.05.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-1.33>

В данной статье предпринята попытка описать когнитивный подход к пониманию метафоры, определить ее роль в процессе развития значений фразеологизмов. В работе представлены взгляды на метафору известных ученых, каждый из которых по-своему интерпретирует этот сложный языковой феномен. Основное внимание уделено исследованию устойчивых фразеологических выражений из области музыки и их употреблению в литературных произведениях. Автор анализирует фразеологические единицы, описывая возникновение их значений, а также образы, с которыми они ассоциируются.

Ключевые слова и фразы: метафора; когнитивный процесс; фразеологизм; концепт; образ; когнитивная модель; фрейм.

Почуева Наталья Николаевна

Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого
nata.pochueva@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Цель данной работы – проанализировать фразеологические единицы, в основе которых лежат метафоры, являющиеся универсальным орудием мышления и познания мира. Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена тем, что, несмотря на множество работ, посвященных исследованию метафоры, многие ее аспекты по-прежнему остаются спорными и недостаточно изученными. Более того, метафора до сих пор продолжает вызывать интерес у большинства ученых, становясь все более интенсивным и популярным направлением разных областей знания: от философии и психологии до семиотики и риторики. Все это предопределяет актуальность

данного исследования и создает необходимость дальнейших научных разработок в этой области. Новизна исследования представлена в анализе фразеологических единиц из сферы музыки в рамках когнитивной теории.

Традиционно метафоричность рассматривают как свойство, присущее словам, а не мышлению и деятельности. Исходя из этого, большинство людей полагает, что в своей привычной жизни они совершенно не нуждаются в метафорах и прекрасно без них обходятся. Однако, по мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [5, с. 25]. А значит, все то, что мы делаем в нашей повседневной жизни, имеет самое непосредственное отношение к метафоре.

В настоящее время известно, что метафора – это особый механизм, который позволяет представлять одну мысль через другую, уже более известную. В когнитивной науке метафора признается значимым фактором развития сознания, поскольку даже на подсознательном уровне человек способен проецировать одно явление на другое. Происходит это потому, что наш жизненный опыт организуется посредством некоего стереотипного образа – когнитивной модели, которая воплощается в языке в форме метафоры. Этот образ появляется в результате объединения концептов в когнитивные структуры – фреймы, в которых реализуются знания человека об окружающем мире. Следует отметить, что этот процесс, как правило, предвещает возникновение фразеологических единиц, которым особенно присущи образность и метафоричность.

Разработкой теории когнитивной метафоры занимались многие ученые современности. Э. МакКормак, известный американский исследователь, описывает метафору как когнитивный процесс, с помощью которого мы углубляем наши представления о мире и формируем новые понятия. Он называет метафоры посредниками между человеческим разумом и культурой, способными изменять наш повседневный язык и, следовательно, наше восприятие и постижение мира в целом [6, с. 360].

Говоря о когнитивном процессе, благодаря которому появляется метафора, Э. МакКормак выделяет в нем три уровня, тесно взаимосвязанных между собой: поверхностный язык, семантика и синтаксис, познание. Все эти уровни соотносятся друг с другом в мыслительном процессе, который выступает частью общего процесса познания. Однако такое объяснение метафоры попадает в ситуацию порочного круга, ведь для того, чтобы обозначить метафору как когнитивный процесс, мы вынуждены обращаться к тому же когнитивному процессу, объединяющему три вышеуказанных уровня. Ученый осознает, что полностью устранить эту порочность не представляется возможным, но между тем пытается смягчить ее. Он вводит понятия обычного языка, или буквального, и метафорического. С точки зрения Э. МакКормака, именно буквальный язык обеспечивает объективный фон, который позволяет судить о значении и частичной истинности метафор [Там же, с. 361].

А. Ричардс рассматривает метафору как результат замены слов или контекстных сдвигов, а в основе метафорического переноса он видит заимствование и взаимодействие идей. По его мнению, даже сама мысль метафорична, и развивается она посредством ассоциативного сравнения, которое является источником появления метафоры в языке [9, с. 47]. Овладение искусством метафоры жизненно важно для каждого из нас, так же как и обучение всему остальному, что делает нас людьми. Эти знания мы получаем от окружающих нас людей при помощи языка, который помогает нам исключительно за счет метафоры. Размышляя о том, как функционирует язык, мы одновременно задаемся вопросом и о том, как мы мыслим и чувствуем, как протекает деятельность человеческого сознания. Метафорические процессы в языке, взаимообмен между значениями слов и выражений, наблюдаемый при изучении различных метафор, накладываются на воспринимаемый нами окружающий мир, который сам по себе глубоко метафоричен [Там же, с. 57].

Мысли А. Ричардса о проблеме понимания метафоры нашли свое продолжение в трудах Э. Ортони, в которых исследуется ее психологическая сторона. Главный вклад Э. Ортони в исследование метафоры состоит в том, что он достаточно аргументированно описывает этот важный феномен, который способен не только изменить способ нашего выражения, но и то, каким образом мы концептуализируем окружающую нас действительность. Теория Э. Ортони является своеобразной точкой зрения на метафору как на особое сравнение. По мнению ученого, сам факт использования метафоры для сравнения вовсе не означает, что она выступает сравнением в буквальном смысле этого слова. Метафора – это тип употребления языка, а сравнение – тип психологического процесса. Вполне вероятно, что этот процесс – неотъемлемый компонент определенных типов употребления языка, однако нельзя точно утверждать, что он совпадает с соответствующим употреблением [8, с. 222]. При этом тот факт, что метафору не следует отождествлять со сравнением, не дает основания для того, чтобы считать процесс сравнения менее важным в понимании метафоры. Стоит отметить, что сравнения могут быть более или менее уместными в зависимости от того, насколько сравниваемые предметы и явления сходны между собой. Таким образом, если восприятие метафоры основано на произведении сравнения, которое сформировано на произведении суждений о сходстве, то, соответственно, в центре внимания должны находиться именно эти суждения [Там же, с. 223].

Дж. Джейнс в своей работе “The origin of consciousness in the breakdown of the bicameral mind” («Происхождение сознания в результате распада бикамерального разума») [12] представил теорию, согласно которой сознание появилось только благодаря возможности языка создавать метафоры. По его словам, «абстрактные когнитивные структуры формируются при помощи конкретных метафорических переносов» [Ibidem, p. 50]. Вот почему нельзя недооценивать значение метафорического мышления, ведь иначе мы лишились бы абстрактного мировосприятия, без которого немислимо образование фразеологических единиц. Поэтому можно утверждать, что метафора – это основной способ построения языкового образа мира, возникающего путем глубокого осмысления окружающей действительности. В связи с этим метафора выступает феноменом взаимодействия языка, мышления и культуры.

В целях проведения исследования были выбраны образные фразеологические единицы русского и английского языка из области музыки, выступающие по отношению друг к другу как эквиваленты. Фразеологизмы на музыкальную тему образуют одну из самых малоизученных групп, что является обоснованием к выбору именно этой тематической группы для данного исследования. Обратимся к ряду примеров.

Английский фразеологизм “play first fiddle” и его русское эквивалентное соответствие «играть первую скрипку» имеет значение *быть руководящим, самым влиятельным лицом при выполнении какого-либо дела* [10, с. 165]. Образ фразеологизма сформирован метафорой, отождествляющей чью-либо ведущую роль в оркестре с чьей-либо главной ролью в той или иной сфере деятельности. Ср.: Сколько в эти напряженные дни происходило событий, в которых он, генерал Чумаков, **играл первую скрипку**, направляя наступательные и оборонительные бои по нужному руслу (И. Стаднюк. Война) [7]; “How greatly it had affected him with its intimation that he **played first fiddle** in the life of his beloved” (J. Galsworthy. ‘Swan Song’. Part I, chapter XII) [4, с. 272]. / «Как сильно его поразило открытие, что он играет первую скрипку в жизни любимой!» (здесь и далее перевод автора статьи. – Н. П.).

Развитие образа и развертывание метафорической цепи в приведенных примерах происходит по следующей когнитивной модели: если кто-то обладает выдающимися качествами и во что бы то ни стало идет к своей цели, то этот человек способен повести за собой остальных. А значит, он выступает в качестве лидера и задает тон всему, что происходит вокруг него.

Интересно отметить, что появилось это выражение в Европе в конце XVII века, при создании первых струнных квартетов. Струнные смычковые инструменты всегда были основой симфонического оркестра, а сама скрипка в нем представляла собой самый совершенный и долговечный инструмент, сохраняющий лидерство на протяжении уже более трех столетий. Сначала выражение ассоциировалось лишь с речью музыкантов, но со временем приобрело переосмысленное значение и стало широко использоваться в речи людей всех профессий.

В следующих фразеологических единицах «звонить (раззвонить, трезвонить) во все колокола» и “ring the bells” со значением *объявлять о чем-либо; распространять какие-либо новости, известия; поднимать тревогу* [3, с. 236] появление и развитие образа обусловлено метафорой, уподобляющей звон колокола языку человека. Глагол *звонить* подразумевает присутствие субъекта, сообщающего во всеуслышание о каком-либо событии или призывающего обратить внимание на что-то, вызывающее беспокойство. Стоит также отметить, что местоимение *все* и множественная форма имени существительного *колокола* являются инструментами гиперболизации образа фразеологизма. Ср.: Он был бы готов палить из всех пушек, какие есть на свете, бить во все барабаны, **звонить во все колокола** (Л. Шестов. Творчество из ничего) [7]; *One thing he had still looked forward to, he said, after he had paid his debt to society, was returning to Scipio to ring the bells with ropes again* (K. Vonnegut. Fohus Pocus) [Там же]. / Единственное, о чем он до сих пор мечтал, – это вернуться в Сципион после того, как он вернет свой долг обществу, и снова звонить во все колокола, дергая за веревки.

Известно, что бой в колокола часто использовался на Руси в моменты опасности; нередко на колокольню забирался простой горожанин, не владевший мастерством и символикой звонов, а случайно оказавшийся поблизости в тревожную минуту. Так предупреждали о надвигающемся стихийном бедствии, пожаре, приближении вражеского войска.

Не менее интересным представляется значение фразеологизма «петь (воспевать) дифирамбы» и его английского эквивалента “sing smb.’s praises”. Это выражение часто является синонимом лживой и чрезмерно восторженной похвалы, адресованной человеку, как правило, незаслуженно. По этой причине фразеологизм имеет яркую отрицательную окраску и нередко произносится с неодобрением. Ср.: Убеждать его в достоверных известиях о скором повышении, **петь дифирамбы**, клясть несправедливость (М. Веллер. Карьера в никуда) [Там же]; Игорь Иванович всегда первым вставал на ее защиту и начинал **петь** ей **дифирамбы!** (И. Дмитриевский, Б. Четвериков. Мы мирные люди) [Там же]; Вдобавок он принялся **петь дифирамбы**, лейтмотивом которых являлись мои зеленые глаза (В. Синицына. Муза и генерал) [Там же].

Негативная окраска у этого выражения связана с тем, что в Древней Греции дифирамбами называли торжественные хоровые песни, прославляющие бога растительности и виноделия Диониса. Он ассоциировался у греков с темной силой, символизирующей все самое необузданное в человеческой натуре. Именно поэтому за данным выражением и закрепилась отрицательная оценка с оттенком сарказма или иронии. Хотя бывают случаи, когда мы «поем дифирамбы» для того, чтобы поддержать человека в той или иной ситуации или просто подбодрить его. Со временем это выражение стало применяться к любым восторженным и хвалебным гимнам в честь богов. Отсюда и возникла метафора, отождествляющая прославление бога Диониса с восхвалением обычного человека. Ср.: *You know that he goes round everywhere singing your praises and saying you’re the greatest philosopher alive* (J. Lindsay. ‘Adam of a New World’, chapter VII) [4, с. 601]. / Знаете ли вы, что он повсюду поет вам дифирамбы и утверждает, что вы – величайший из живущих сейчас философов?

Рассматривая метафору с когнитивных позиций, следует заметить, что вопрос о соотношении возникновения образов и понятий в сознании носителей языка до сих пор остается открытым. Существует предположение, что при образовании метафоры идет активация тех областей мозга, которые отвечают за наглядные и абстрактные образы [11, р. 135]. При этом актуализируются два фрейма, а формирование метафоры происходит по следующей схеме: восприятие человеком предмета или явления окружающего мира – процесс поиска ассоциируемых с конкретными языковыми формами фреймов – помещение содержания высказывания в уже имеющийся фрейм – интерпретация с учётом накопленного жизненного опыта [1, с. 296].

Таким образом, фрейм отражает определенный прототип, сформировавшийся на основе полученного опыта и соотносимый с хранящимся в памяти обобщенным представлением о стандартной ситуации. В семантике фразеологических единиц, представляющих тот или иной фрейм, значения отдельных компонентов сводятся в единую, комплексную ситуацию, что позволяет целостно воспринимать значение конкретного фразеологизма. Поясним это на примере.

В русском языке существует выражение «трубить в горн», соотносящееся с английским фразеологизмом “blow one’s horn”. Возникновение этого выражения связано с тем, что в старину на Руси использовали особую систему оповещения: звуками горна привлекали внимание к какому-либо важному, торжественному событию. Что касается английского языка, то здесь происхождение фразеологизма восходит к концу XVI века. В те далекие времена было принято трубить в горн, сообщая всем о приезде монарха или богатой особы, а также приветствуя охотников, вернувшихся домой с добычей. Этим и объясняется его значение ‘подавать сигнал о чем-то’, ‘громогласно сообщать о каком-либо событии’. В метафорически создаваемом образе фразеологизма ‘горн’ уподобляется языку как ‘инструменту’ речи [3, с. 698]. Употребляют это выражение, как правило, в ситуации, когда речь идет о привлечении внимания к распространяемым сведениям, фактам. Ср.: Но маркиз не подозревал, что в этой гондоле сидела Елизавета Петровна, спрятавшись за своей свитой, и что, приказывая **трубить в горн**, она хотела этим обратить внимание Шетарди и вызвать его на свидание (Н. Э. Гейнце. Дочь Великого Петра) [7]; ...it gets my goat when a fellow gets stuck on himself and goes around **blowing his horn** merely because he’s charitable (S. Lewis. ‘Babbitt’, chapter III) [4, с. 396]. / ... я просто из себя выхожу, когда человек воображает, что он бог знает кто, и сообщает всем, что он делает только добро.

Довольно часто бывает так, что значение фразеологизма связывают с конкретным историческим периодом жизни того или иного народа. Так, например, выражение «заключительный аккорд», которому соответствует английский эквивалент “a final chord”, восходит к эпохе Петра Первого и в то время использовалось как военный термин. С помощью данного выражения обозначали капитуляцию противника на условиях, которые он оговаривал для себя перед победителем [2, с. 42]. Лишь с первой половины XIX века его стали употреблять с музыкальным значением. Аккордом начали называть сочетание нескольких звуков различной высоты, воспринимаемое как звуковое единство. В дальнейшем это выражение приобрело переосмысленное значение и стало использоваться в ситуациях, когда говорят об окончании какого-либо события, явления, действия. В образе фразеологизма отражена метафора, отождествляющая заключительный аккорд музыкального произведения с завершением чего-либо. Ср.: Требовался всего-то один залп двух батарей; **заклучительный аккорд** невиданного действия, поставивший бы окончательную точку на всей этой несомненной чертовщине (И. Бояшов. Танкист, или «Белый тигр») [7]; Толчок, когда вздрагивает земля, когда в горах происходят обвалы и оползни, а здания разваливаются на глазах, – это лишь **заклучительный аккорд**, которому предшествовало длительное вступление (Б. Ляпунов. Неоткрытая планета) [Там же]; ...it doesn’t seem fair that I should miss **the final chord** when you consider all that I put up with before (E. Lathen. ‘Accounting for Murder’, chapter XX) [4, с. 274]. / ...право же, будет несправедливо, если после всего, что мне пришлось перенести, я не увижу блестящего завершения этого дела.

Итак, цель, поставленная в работе, выполнена: проанализированы фразеологические единицы из тематической группы ‘музыка’, в основе которых находятся метафоры; рассмотрено их значение, объяснена этимология. Изучены точки зрения известных ученых на проблему понимания метафоры. В результате исследования установлено, что образы, лежащие в основе фразеологизмов с музыкальной тематикой, тесно связаны с культурными традициями народа, его историей и даже мифологией. Сопоставление фразеологических единиц русского и английского языков дает возможность выявить национально-культурную специфику носителей языка. Изучение выражений из данной тематической группы позволяет лучше понять, какое место в жизни народа занимала и занимает музыка, какие музыкальные инструменты были распространены в ту или иную эпоху, как через фразеологические единицы с музыкальным компонентом находит выражение «дух народа», его менталитет.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 296-297.
2. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-пресс, 2001. 704 с.
3. Большой фразеологический словарь русского языка / под ред. В. Н. Телия. М.: Словари XXI века, 2017. 784 с.
4. Кунин А. Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984. 944 с.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Эдиториал УРСС, 2017. 256 с.
6. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры: сборник статей / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюнова. М.: Прогресс, 1990. С. 358-386.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 07.05.2018).
8. Ортони Э. Роль сходства в уподоблении и метафоре // Теория метафоры: сборник статей / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюнова. М.: Прогресс, 1990. С. 219-235.
9. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры: сборник статей / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюнова. М.: Прогресс, 1990. С. 44-67.
10. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. Изд-е 4-е, стереотип. М.: Русский язык, 1986. 543 с.
11. Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks // Cognitive science. 1998. Vol. 22. № 2. P. 133-187.
12. Jaynes J. The origin of consciousness in the breakdown of the bicameral mind. Boston: Houghton Mifflin Company, 1976. 469 p.

COGNITIVE METAPHOR PECULIARITIES AS A MEANS OF FORMING PHRASEOLOGICAL UNITS MEANINGS (BY THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)**Pochueva Natal'ya Nikolaevna***Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
nata.pochueva@yandex.ru*

In the article, the attempt to describe the cognitive approach to the metaphor understanding and to identify its role in the process of phraseological units development is made. The views on the metaphor of famous scientists, who interpret this complex language phenomenon in their own way, are presented. The main attention is paid to the study of set expressions from the music field and their use in literary works. The author analyzes phraseological units, describing the occurrence of their meanings, as well as the images, with which they are associated.

Key words and phrases: metaphor; cognitive process; phraseological unit; concept; image; cognitive model; frame.

УДК 8; 81-139

Дата поступления рукописи: 15.05.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-1.34>

Данная статья имеет целью описание фонологического проекта для практического применения сопоставительной билингвальной модели «монгольский язык – русский язык». В работе рассматривается интерференция парадигматического уровня, выражающаяся в недифференцированности аллофонов в русской речи монголов (РРМ). Предлагается новая модель анализа интерферентных особенностей, возникающих в РРМ, включающая в себя фонологические сети, фонологический кластер фонем, взаимодействие аллофонов, конвергентно-дивергентное аллофонное преобразование фонем. Описываемая модель может быть использована при построении вводно-фонетического курса РКИ на начальном этапе обучения, а также корректировочного курса на среднем и продвинутом этапах обучения. Кроме этого, с помощью данной модели обучаемый может совершенствовать произносительные навыки самостоятельно.

Ключевые слова и фразы: аллофон; графема; интерференция; фонологический кластер; консонантизм; конвергентно-дивергентное преобразование; недифференцированность; фонема; фоноференты.

Рогозная Нина Николаевна, д. филол. н., профессор
*Байкальский государственный университет, г. Иркутск
G09@istu.edu*

Ербаева Лариса Лазаревна
*Иркутский национальный исследовательский технический университет
Lora711@mail.ru*

**СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ИННОВАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ АНАЛИЗА ФОНОФЕРЕНТОВ
В ОБЛАСТИ КОНСОНАНТИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ РЕЧИ МОНГОЛОВ)**

Одной из актуальных задач современной лингводидактики является создание компьютерных программных продуктов, способных частично заменить преподавателя и обеспечить полноценный доступ к получению знаний изучающего иностранный язык. Преподаватель русского языка как иностранного в большинстве случаев не владеет языком обучающегося, а в подобных проектах опора на родной язык может быть использована в полной мере. Не вызывает сомнения тот факт, что первичное лингвистическое сознание обучаемого, получившего необходимые сведения, объяснения и комментарии из родного языка, становится способным принять иную языковую структуру, снять конфронтативные отношения либо ослабить их. В современной лингвистической науке недостаточно внимания уделяется, на наш взгляд, поиску инновационных решений при обучении русской фонологии говорящих по-монгольски. В связи с этим актуальность данной статьи заключается в описании фонологического проекта для практического применения сопоставительной билингвальной модели «монгольский язык – русский язык».

Следует отметить, что многообразие фонетических нарушений при произнесении русских слов и фраз носителями монгольского языка отмечалось и анализировалось исследователями XX-XXI вв. Значительный вклад в изучение фонологических нарушений в русской речи монголов (далее – РРМ) внесли Б. Х. Тодаева, С. Галсан, Ю. Г. Лебедева, Р. И. Соболева, С. С. Кашаева, Н. Н. Рогозная, Е. А. Будник, Б.-Э. Сономжанцын, Т. Г. Никитина, А. Ю. Саркисова и другие исследователи [1-4; 7; 8; 10; 13-16]. При сопоставлении русской и монгольской фонологических систем в первую очередь лингвисты учитывают их различия в количественном составе гласных и согласных фонем. Авторы «Русской грамматики – 80» [12] отмечают, что в фонемный состав русского языка включаются как сильные, так и слабые фонемы, и приводят 5 сильных гласных и 37 сильных согласных. В основу описания гласных и согласных фонем монгольского языка положена классификация С. Моомоо [6].